

Я не знаю — на запад, восток ли я еду теперь...
То ли явь, то ли сон мчится в молох потемок...
И всплывет, как в твою задымленную дверь
Тычет жажущим носом оскаленный зверь.
И глядит на него нерожденный потомок...

ПРИЗРАК РУСИ

Свернув с перекрестка, судьба ее дальше гнала...
Бездомная женщина шла, озираясь пугливо.
И лаяли псы. И сгущалась промозглая мгла.
И северный ветер метался и зло, и дождливо.

Но женщина шла. И откуда-то взявшийся рок
Был с ней непрестанно с лицом и глазами порока.
Сверкнув красным жалом, змея у бесчувственных ног
Сквозь темень извилистой лентой казала дорогу.

И мучила память... И больше невмочь ей идти.
Не знала она — умерла ли, живая ль покуда.
Не знала, что ждет ее там, через миг, впереди,
Что тенью неслышимой двигался следом Иуда.

Но женщина шла. И стелились кругом миражи.
И чудилось: солнце, лишь надо чуть-чуть потерпеть ей,
Взойдет вон за теми холмами, средь скошенной ржи,
И больше не будут так мучить ее лихолетья.

Но рвал душу-сердце каких-то *двуногих* дележ
Ее обнаженного тела в овраге глубоком.
Бросало несчастную то ли в горячку, то ль в дрожь.
И был весь в репьях ее чудный каштановый локон.

И падала наземь она и лежала в снегу.
Бессильной заплакать, казалось, что больше не встать ей.
Но вспомнилось бедной: ни спичек, ни дров к очагу,
Ни чая-лепешки на завтрак, ни нового платья.

И мыслилось женщине: как искупить ей беду...
И виделся крест на горе, и она на нем будто.
Горели-дымились костры как в библейском аду.
И кто-то кричал: «Поднимись!» — беспощадно и люто.

И женщина встала, очнувшись от крика, с земли,
Едва ль сознавая, что не было муки больнее.
Во тьме что-то белое где-то мелькнуло вдали.
А в небе горели кровавые звезды над нею...

ПАМЯТЬ

Как безжалостна память бывает порой...
Вот и март. Как сюжет на холсте в паутине.
Но была ли зима? И не вспомнишь, родной.
Как и жизнь вся твоя — бесконечной игрой.
Пеплом чудных берез в этом стылом камине...

Что-то вспомнишь. Возьмешь невзначай кочергу.
Глубь времен зимней сказкой всплывет изумленно.
Ты увидишь себя на крутом берегу,
Как бежал, утопая в слепящем снегу,
И кричал в белый свет: «Я с тобою, Алена!!!»

Но ведь этого не было! Не было! Нет!
Это все наваждение! Сюжет бездорожья,
Где отчаянный взгляд столь немислимо лет
Страстно жаждет увидеть малиновый свет,
Так жестоко и сладко пропитанный ложью...

Как безжалостна память бывает к тебе...
Помнишь то, что молчит цепеняще и больно.
Как однажды угасший фонарь на столбе
Стал твоим роковым перекрестком в судьбе...
И ты предал себя. Безвозвратно. Безвольно...

Что-то вспомнишь еще... А, как в прорубь скользнул.
Как, на лыжах летя с завихрившейся горки,
Незнакомую девочку палкой толкнул.
И вокруг разносился взорвавшийся гул,
И, виляя хвостом, лаял песик в восторге...

Как безжалостна память... Что скажешь ей ты...
Лишь беззвучно вскричишь в пустоту: «Замолчи же!»
И, не помня давно уж ничьей доброты,
Вдруг подумаешь: все это тлен суеты.
И представишь, как дым зазмеится над крышей...

И неслышно крадетсЯ: но ты не один:
Вон прильнули к окну почки старого клена.
Вспыхнет радостным треском поленев камин.
И вернется с чужих островов птичий клин...
А в груди где-то подло скребетсЯ: Алена...

Р. Л.

Он уходит в иную обитель.
Он наполнит ее красотой.
Он уже столько чудного видел
На пути своем тропкой крутой.

Ну, а там, средь вселенского снега,
Средь пустынь из серебряных льдов,
То ль Медведица, то ли Омега
Вспыхнет горним цветеньем садов.

И не путник, актер или зритель —
Он уходит на свой островок,
Где светла и надежна обитель,
Где недвижим взошедший восток.

И растерянный взгляд оживится
Среди сонма светящихся крыл.
И он тихо в окно постучится.
И услышится: «Мама, я был...»

В. Л.

Он уходит с улыбкой безгрешной
Безвозвратно, в обитель богов.
Ну, а ты по пустыне безбрежной
Ступишь следом безмолвных волхвов.

Ты не знаешь еще — куда деться:
Полон свет предсказаний и смут.
И надеется бедное сердце,
Что тебя где-то с трепетом ждут.

Что тебе будет видеться ночью?
Иль нетронутый белый листок,
Вереницы ль нагих многоточий,
Смысл которых бесстрастно жесток?

Ты не знаешь еще, что отныне —
Ни сомнений, ни счастья, ни ссор.
Только небо слепящей пустыней
Да щемящий мальчишеский взор...

Вечерний свет. И твой смущенный взгляд.
И странно вдруг зависшее молчанье.
Беспечно уползающий закат.
Нелепые слова — как наугад
Еще неощутимого прощанья...

Лишь миг назад мне слышались шаги
И музыкой скрипящие ступени!
А за спиной — дымились очаги...
И нежное — «Себя хоть береги»
У ног моих. На дрогнувших коленях...

Ты не успел захлопнуть даже дверь,
А нас нигде не стало в белом свете.
Но тленно все, я знаю. И поверь:
Мне ничего дороже нет теперь,
Чем в этот вечер боль мгновений этих...

Мерцающие луны из окна
Проглотят вздох недавнего покоя.
И не твоя преступная вина,
Что так рука бессильна, холодна.
И над тобой сияние такое...